

Елена Джонсон

Не злите Броню

часть 2

Тетя Ася, трое нахальных
детей и старый дом

Тетя Ася, трое нахальных детей и старый дом

Елена Джонсон

Не злите Броню

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Джонсон Е.

Не злите Броню / Е. Джонсон — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Тетя Ася, трое нахальных детей и старый дом)

Семья Куликовых вновь в центре событий: таинственные незнакомцы, убегающие от похитителей голышом по лесной дороге, чужие секреты, раскаявшиеся убийцы, — и троицу нахальных детей опять не удается удержать от преследования опасных преступников. Впрочем, с такой семейкой у преступников просто нет шансов.

© Джонсон Е.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Елена Джонсон Не злите Броню

Однажды темной осенней жуткой ночью на старинном заброшенном кладбище светила полная луна, – нараспив завывал Бронька на заднем сиденье автомобиля, – Она освещала каменные кресты над могилами и таинственный знак на воротах склепа…

Младшая сестренка Янка с восторгом повизгивала, а сидящий за рулем отец слушал его и снисходительно ухмылялся. Ребенок читал как по писаному, и довольный отец говорил себе, что вбухивал немалые деньги в библиотеку для своих детей не зря. Правда, эти страшилки определенно были не из тщательно подбираемых для детей книг, и где их Борька брал, следовало выяснить.

А брал их Бронька летом на чердаке тети Асины дачи, где были завалы старинных книг, оставшихся после тети Асиных пра-пра дедушек и бабушек в их старинном доме. Бронька там раскопал библиотеку «Таинственные истории о привидениях и вурдалаках, доподлинно известные нашим предкам». Насчет доподлинности Бронька только посмеивался, но так здорово было читать их с Иркой и Владиком по ночам и вместе дрожать от сладкого ужаса на чердаке, замирая от протяжных скрипов старой дачи. При желании и большом воображении их можно было принять за стоны привидений.

Они втроем – Бронька, Янка и их папа, – возвращались как раз оттуда, от тети Аси. Несмотря на то, что летом им всем было совершенно не до огорода, они везли домой пять огромных кабачков, две тыквы и три трехлитровые банки с вареньем. Это дары Клеопатры Апполинариевны, благодарной им за то, что летом они спасли ее от смерти от руки собственного троюродного племянника из Израиля, который не хотел делиться с ней наследством ее деда и отца.

Ехали поздно, засидевшись за чаем у тети Аси, от которой, как всегда, не хотелось уезжать. Янка, широко раскрыв глаза, слушала Бронькину сказку о том, как потревоженное привидение тянуло руки к несчастному прохожему, который совершенно случайно забрел ночью на это кладбище (спрашивается, чего ему не спится по ночам, и, если уж он решил прогуляться в такой час, отчего он выбрал такой странный маршрут?). Этот прохожий оказался прправнуком его убийцы, о чем он только что с удивлением узнал, и привидение жаждало мести.

Бронька все больше вдохновлялся, глядя в окно на темную громаду леса по обеим сторонам дороги, верхушки которого освещала мертвенным светом полная луна.

Вдруг папа громко чертыхнулся, машина дернулась и понеслась стрелой, ощутимо виляя во всей ширине дороги.

– Пап, ты чего лихачишь? – с удивлением спросил Бронька, взглянув вперед. Далеко впереди он увидел белую фигуру у самого леса, которая, простирая руки, двигалась в их направлении.

– Па, там зайчик, да? Ты его не раздави. Мы его догоним, да? Я хочу посмотреть, – подпрыгивала маленькая Янка, которой ничего не было видно за спинками сиденья и папиной спиной.

– Спокойно! Зайчики в норках, – бормотал папа, холodeя от ужаса, по мере того как машина и белая фигура неумолимо приближались друг к другу.

– Привидение! – завопил Бронька, хватаясь за спинку переднего сиденья. – Пап, поехали назад!

Он зажмурился на мгновение, но так было еще страшнее. Он снова открыл глаза и увидел, что привидение было уже перед самой машиной. Оно мчалось большими прыжками, а не парило над землей, из чего следовало, что привидение особо злобное, и в этом месте его, видимо, убили много лет назад. Бронька поднял руку и стал судорожно креститься сам, а потом

крестить привидение. Он горько сожалел, что не носит нательного крестика, хотя сам он крещен, и обещал самому себе, что если они останутся живы, он непременно будет носить при себе и крестик, и восковую свечу – для чего-нибудь пригодится, – и маленький осиновый кол.

Броня подумал, что еще секунда, и привидение окажется в машине и пройдет сквозь них, или они пройдут сквозь него. Интересно, как это будет на ощупь. Будет ли оно влажное, как туман, или сухое, как дым…

Но привидение шарахнулось в сторону от машины. Папа с облегчением вздохнул, а Яна, которая все это время сохраняла полное спокойствие, встала на колени и стала смотреть в заднее окно.

– Бедный дяденька, как ему не холодно голенькому бегать, – посочувствовало она.

Папа с Броней оглянулись, и увидели, что с «привидения» съехала простыня, и за машиной теперь бежал совершенно голый человек, умоляюще протягивая руки.

– Ну и дела! – протянул папа, замедляя ход и раздумывая, останавливаться ему или нет.

– Это не привидение, – догадался Бронька с некоторым разочарованием.

– Папа, а зачем он голый? – поинтересовалась Яна.

– Па, останови, он, по-моему, живой, – азартно сказал Бронька.

«Он» был даже очень живой, потому что бежал необычайно резво, и при этом истошно кричал. Папа, наконец, пришел в себя и откинулся на спинку сиденья. Ох уж этот Бронислав со своими глупыми сказками. Надо, подумал он, все-таки контролировать чтение ребенка.

Он затормозил и, распахнув дверцу, высунулся из машины в ожидании, пока «привидение» подбежит поближе.

– Какие-то проблемы? – осведомился он, как будто бег по ночному лесу голышом сам по себе проблемой не являлся.

Человек, наконец, добежал до машины и пытался отдохнуться, положив руку на дверцу и согнувшись пополам. Тут он сообразил, что на нем ничего нет, и смущенно присел на корточки, прикрываясь руками.

– Простите,... э-э-э... я... не могли бы вы довезти меня до города?

– Пожалуйста, садитесь, – великодушно предложил папа.

– Тут, между прочим, дети, – саркастически заметил Бронислав, имея в виду Янку.

– И женщины, – наставительно добавила Янка, имея в виду себя.

– Ой, простите. Конечно... тут где-то была простыня, кажется... вы не позволите за ней вернуться?

– Ладно, дуй быстрее, – нетерпеливо сказал папа, который начал раздражаться нелепостью этой сцены.

Человек резво помчался за упавшей с него простыней и подобрал ее примерно в двадцати метрах от машины. Он гордо закинул один ее край за плечо, и, прихрамывая, побежал обратно к машине. Папа дождался его, распахнув дверцу и не выключая мотора. Человек с облегчением юркнул в машину, сел было рядом с Бронькой, и тут же скатился на пол, визгливо ойкнув.

– Бронька, ты не мог, что ли, кабачок с сиденья убрать? – не оборачиваясь, проворчал папа.

– Тут что-то липкое... – пробормотал человек.

– А это вы банку с вареньем опрокинули, – хмуро пояснил папа.

Человек еще раз ойкнул, и стал неуклюже извиняться, забираясь обратно на сиденье. Теперь половина заднего сиденья была вся измазана липким вареньем, а под ногами перекатывался треснувший кабачок. Бронька брезгливо отодвинулся от неуклюжего гостя. Наступила неловкая пауза.

– Костя, – вдруг хрипло сказало бывшее привидение.

– Очень приятно, – с сарказмом ответил папа, отчаянно жалея, что посадил этого сумашедшего в машину. Поразмыслив немного, он добавил:

– Валерий Павлович.

– Очень-очень приятно, – обрадовался «сумасшедший», поправляя на себе простыню. – Вы меня, пожалуйста, извините, я никак не могу прийти в себя.

– А что с вами случилось? – спросил изнывавший от любопытства Бронька.

– А вы всегда голенький ходите? – с любопытством присоединилась к расспросам Янка.

– Ну вот еще, – с негодованием отверг Костя. – Вы же не думаете, что я сам разделился в лесу?

– Ну, почему бы, собственно. и нет? – рассудительно ответил Бронька. – Сейчас nudistov всяких полно, может…

– Так холодно же!

Этот аргумент показался всем убедительным. Янка с Бронькой сочувственно вззрились на него, ожидая пояснений.

Костя не стал долго томить аудиторию. Из его рассказа следовало, что накануне вечером по дороге с работы домой его похитили, – попросту запихали в машину и увезли в какой-то дом в лесу. Там с него сняли всю одежду, чтобы он не убежал, и заперли на втором этаже. Отсутствие одежды Костю не устрашило, и он доблестно бежал, прихватив с собой простыню. Повествование о том, как он бегал по лесу босиком по сосновым шишкам, разыскивая дорогу, могло составить конкуренцию Бронькиным страшилкам.

– Надо было покрывало с кровати прихватить, – сокрушался Костя, – а то замерз совсем.

– А что они от вас хотели? – поинтересовался Бронька.

– Ничего, – ответил Костя и попытался развести руками, но злополучная простыня опять с него сползла, и он стал смущенно натягивать ее на себя.

– Не стесняйтесь, дядя – поспешила утешить его Янка. – Мы все равно вас голеньким видели.

Костя тяжело вздохнул и сгорбился, не прислушиваясь к тому, как Валерий Павлович отчитывает Янку.

– Так не бывает, – вдруг заявил Бронька. Костя встрепенулся.

– Чего не бывает?

– Чтобы похитили и ничего не требовали.

– Так они вообще со мной не разговаривали, – пожаловался Костя. – Я уж их спрашивал – спрашивал, – может ошибка какая, или денег им надо – нет, молчат и все. Даже когда уходили, и то не сказали, когда вернутся. А у меня же кот дома, его кормить надо.

– Странно, – задумчиво сказал Бронька.

– Уж ты бы чего понимал, – фыркнул Валерий Павлович. Они уже въехали в город, и его сейчас больше всего занимал другой вопрос – как он будет отмывать машину после учиненного Костей разгрома, и что скажет его жена Аля по поводу испорченного вареньем чехла. Он понятия не имел об участии сына в славном расследовании многочисленных покушений на Клеопатру Апполинариевну и в ее спасении, поскольку все дети сочли за благо родителям ничего об этом не рассказывать.

Больше всего они боялись, что их не пустят к тете Асе на дачу, а это было бы ужасно. Летнюю жизнь на даче у любимой тети не могло заменить ничто – даже отдых в Турции, куда Броньку не взяли этим летом. Зато туда взяли Янку, и она совсем не выражала восторгов по этому поводу. Море, конечно, – это здорово, но оно было далековато от отеля, и поэтому гораздо чаще приходилось купаться в бассейне. А прогулку на яхте Янка с удовольствием поменяла бы на ужин с привидениями у тети Аси на даче. А то, что привидения были изготовлены руками Броньки и других ребят, делало их в сто раз милее.

В общем Бронька, имевший солидный опыт в расследованиях, как раз кое-что понимал. И его опыт подсказывал, что если человека похитили и не попытались убить, и даже ничего не потребовали – это более чем странно.

— А вас правда похитили? — восхищенно спросила Янка. — А домик был красивый? С балкончиком?

— С балкончиком, — машинально ответил Костя.

— Ой! — поразилась Янка. — Зачем же вы оттуда бежали? Я бы там жила...

— Хватит глупости болтать, — раздраженно сказал Валерий Павлович. — Вот что, дети, я вас сейчас отвезу домой, а потом завезу Костю.

— Как это?! — возмутился Бронька.

— Что как? Не может же он голым по городу бегать.

— Он не голый, а в простынке, — резонно возразила Янка.

— Я с тобой, — категорически заявил Бронька, не обращая внимания на Янку.

Валерий Павлович уже знал, что спорить бесполезно. Он давно читал «Ваш беспокойный подросток» многодетных и многострадальных американских супружеских Байядров — книгу «выживания» для родителей, чьи дети подростки, и спорил с Бронькой только в случае крайней необходимости. Поэтому они подъехали к своему дому и, оставив измазанного вареньем Костю сидеть в машине, сдали маме брыкающуюся и воящую Янку.

— Вы куда на ночь глядя? — никак не могла понять сонная Аля.

— Мам, нам некогда, у нас там мужик голый в машине сидит, — объяснил Броня и приготовился бежать вниз по лестнице.

— Он не голый, он в простынке, — яростно кричала Янка, изворачиваясь, чтобы вцепиться в Бронькину рубашку.

— Стойте, — взывала к ним ошалевшая Аля, — какой голый мужик? Валерий, у тебя дети, — уверчивала она, отрывая орущую Янку от Броньки и запихивая ее в комнату.

— Алечка, — Валерию Павловичу почти удавалось перекрикивать Янкины негодящие вопли, — ты не волнуйся. Понимаешь, мы по дороге подобрали голого мужчину...

Броня увидел, что мамины глаза округлились от ужаса.

— Понимаешь, его похитили бандиты... — попробовал он выручить отца...

— Никогда! — воскликнула Аля, — никогда больше не разрешу вам ездить вечером за городом.

— Как ты думаешь, па, — ехидно заметил Броня в спину отцу, несясь за ним вниз по лестнице, — что мама подумала о твоей сексуальной ориентации?

— У нее нет сомнений в моей сексуальной ориентации, — машинально ответил Валерий Павлович, запоздало размышляя о том, не слишком ли непедагогично будет дать своему сыну подзатыльник.

Спустившись вниз, они обнаружили приклеившуюся к машине соседку Августу Николаевну. Неугомонная старуха изнывала от возбуждения и возила носом по стеклу, громко допрашивая о чем-то незадачливого пассажира. Бедный Костя кутался в простыню, и что-то мямял, стараясь стать меньше и слиться с липким сиденьем.

— Палыч, — увидев Валерия Павловича, радостно завопила она на весь двор. — А че у тебя мужик голый в машине сидит?

Бронька стал молча дергать дверцу машины.

— Августа Николаевна, вашу дверь там опять бродячий кот метит, — спокойно сказал Валерий Павлович, с удовлетворением наблюдая, как вредная бабка метнулась в подъезд.

— Я вам так благодарен, так благодарен, — забормотал Костя, когда машина вывернула на центральную улицу. — Просто не знаю, что бы я без вас... и как мне вас благодарить...

— Не вопрос, — энергично возразил Валерий Павлович. — Поможешь мне машину отмыть, да чехол от варенья отстирать, и все дела.

— Конечно-конечно, — закивал Костя.

Валерий Павлович с удовлетворением отметил, что Костя воспрял духом. Возможность хотя бы частично расплатиться за оказанную услугу и в самом деле его обрадовала – уж очень неловко он себя чувствовал из-за испорченных продуктов и испачканного чехла.

– А кабачок я вам куплю, – завел было Костя. – Вот только варенье..., – с сомнением почесал он было в затылке, но тут же был вынужден подхватить сползающую простыню.

– Ладно, не мельтеши, – благодушно оборвал его Валерий Павлович.

Перспектива мыть машину вдвоем заметно улучшила его настроение и он уже взирал на Костя без прежнего отвращения.

Ко всеобщему удивлению оказалось, что Костя живет в одном доме с Захаром Ильичем – добрейшим профессором-этнологом, соседом тети Аси по даче. Поэтому Костины акции повысились еще на один пункт.

– Большое спасибо, – еще раз с чувством произнес Костя, когда машина остановилась у его подъезда. – Завтра вечером я к вам обязательно приеду мыть машину.

И, бодро размахивая красной от варенья простыней, он направился к подъезду. Дойдя до него, Костя тут же развернулся и побежал обратно к машине.

– Валерий Павлович, – жалобно произнес он, – а вы не могли бы со мной до квартиры подняться? А то вдруг соседи... а я... – потянул он свое жутковато блестевшее в лунном свете одеяния.

– Прикройся хоть простыней-то, – зашипел Валерий Павлович, вылезая из машины. – Размахался!

Костя смущенно стянул на себе простыню, и они все вместе вошли в подъезд.

– Хотел бы я посмотреть, как он откроет дверь, – прошептал Броня, когда они поднимались по лестнице.

– Не вижу проблемы, – пожал плечами Валерий Павлович.

– Да? – ехидно сказал Броня. – А где, интересно, у голого человека ключи от квартиры? Или, может, у него в простыне карманы?

Один-ноль, вынужден был признать отец. Костя, тем временем, подошел к двери своей квартиры, и, не переставая благодарить, попытался пошарить по тому месту, где у одетого человека обычно располагается карман. Взор его затуманился, и его с некоторым опозданием осенило, что возможность одеться и накормить кота для него так же далека, как была в лесу.

– Вот черт, – топнул он босой ногой, чуть не плача. – У меня и кот весь день голодный! – Он пнул дверь ногой. И тут произошло неожиданное. Дверь под его ногой поддалась и приоткрылась. Пока Костя в оштобенении смотрел на нее, из квартиры выскочил мужчина в одних брюках и промчался мимо них вниз. Вернее, рубашка на нем тоже была, но прикрывала она вовсе не его торс, а была накинута на голову, вероятно, чтобы прикрыть лицо.

– Послушай, парень, – после недолгого молчания вкрадчиво спросил Валерий Павлович. – Ничего, что мы с сыном тут одетые стоим? А то, может, сегодня международный день голых людей, а я ничего не слышал?

– Ни... Ничего, – прошептал Костя с таким идиотским видом, что Валерий Павлович только махнул рукой.

Бронька, тем временем, потихоньку стал просачиваться в квартиру, почуяв приключений. Не хватало, конечно, Ирки и Владика, – без них он чувствовал себя очень маленьким и потерянным. Но зато потом он им расскажет, как он бесстрашно...

И тут он почувствовал чье-то присутствие в коридоре. Бронька сжался, впервые в жизни почувствовав настоящий страх. Костя с отцом были еще на лестнице, а неумолимый враг постепенно приближался – Бронька слышал его вкрадчивые шаги и тихое дыхание. Вдруг что-то бросилось на него из темноты, и Бронька отчаянно заорал.

В коридоре вспыхнул свет, и Костя стал отдирать от куртки перепуганного Броньки не менее перепуганного рыжего кота.

Смущенный Бронька тут же принял деловой вид, в тщетной надежде, что взрослые подумают, что орал не он, а кот.

– Ну, давайте посмотрим, – солидно произнес он, – что в квартире пропало. Учитывая недавнее проникновение.

Последняя реплика показалась ему особенно удачной.

Отец выразительно посмотрел на него, но послушно прошел в квартиру. Костя же никак не мог оторваться от кота, причитая над ним в коридоре.

– Эй, жертва нападения, – позвал его Валерий Павлович. – Иди-ка посмотри, что у тебя на кухне делается. Или у тебя тут всегда так?

Костя, очнувшись, пошел на кухню, прижимая к груди недовольного кота.

На кухне царил полный и удручающий разгром. Из шкафчиков, ящиков, и даже из мусорного ведра все содержимое было высыпано на пол. Но самым непостижимым было то, что на кухонном столе аккуратно были составлены в ряды пустые банки из-под пива, кока-колы, спрайта и прочих освежающих напитков.

Первым на банки обратил внимание, конечно, Броня.

– Это – коллекция? – поинтересовался он.

– Нет, – растерянно смотрел Костя. – Я и не знал, что их у меня столько. Моя бывшая… э-э-э… подруга хотела плотик из них сделать. Но я почти все выбросил, а эти, наверное, где-то в глубине стояли. Странно как-то… Может, они мне послание оставили? Зашифрованное?

– Вот что, Пинкertonы, – решительно прервал их увлекательный разговор Валерий Павлович. – Вызываем милицию. А ты, Костя, осмотри пока комнаты. Пропало у тебя, наконец, что-нибудь, или нет?

Не снимая простыни, Костя торопливо пробежался по комнатам.

– Все цело, – удивленно сказал он, – не тронуто даже.

– Не успели, – со знанием дела заявил Броня. – Костя…

– Дядя Костя, – авторитетно поднял указательный палец Валерий Павлович.

– Дядя Костя, – послушно повторил Броня, тоже поднимая свой пухленький палец. – А кроме простыни вы что-нибудь иногда носите?

– Вот именно, – заметил Валерий Павлович. – Или хотя бы простыню смени. Очень уж на ней варенья многовато.

Варенья на простыне осталось совсем немного – значительная его часть перешла на кухонный стол и стены коридора, возле которых Костя обнимался с котом. Но, тем не менее, Костя, опомнившись, побежал в спальню, и к приезду милиции вышел из нее в довольно приличном облачении. В обтягивающих джинсах и джинсовой рубашке он оказался вполне симпатичным мускулистым молодым человеком. Броня с завистью обратил внимание на его подтянутый живот, дав себе в очередной раз слово заняться спортом.

Милиция приехала на удивление скоро. Плохо скрывая недовольство по поводу вызова, который они считали ложным, – ведь ничего не пропало и никого не убили, – два сонных милиционера вяло посоветовали сменить замок в двери, и собрались уезжать.

– А отпечатки пальцев? – возмущенно остановил их Броня.

– В самом деле, – удивился Валерий Павлович. – Что-то вы, ребята, того… Сегодня мы их спугнули. А если они еще раз полезут?

– Да вряд ли их отпечатки есть в милиции, – оправдывались милиционеры, – на дилетантов похоже.

– Зато мои отпечатки есть, – гордо протянул ладони Броня.

Костя удивленно взглянул на него.

– Ты что, рецидивист? – усмехнулся один из милиционеров, доставая краску и валик для снятия отпечатков пальцев.

– Свидетель, – гордо ответил Бронислав.

Домой приехали около часу ночи. Янка давно спала, а Аля преданно ждала их на кухне, завернув в старую куртку пюре, чтобы оно не остывло, и засунув в микроволновку котлеты.

– Мам, – горестно повествовал Бронька, поедая котлеты. – Я так по Ирке с Владиком соскучился. Из-за этой проклятой школы я их теперь до каникул не увижу, что ли? Они даже не позвонили ни разу. Родственнички, называется, – обиженно бубнил он.

– А вот и звонили, – сказала мама. – А ты, родственничек, сам им ни разу, между прочим, не позвонил.

Бронька от радости перестал жевать, вопросительно глядя на маму.

– У Клеопатры Апполинариевны в субботу новоселье, – пояснила она. – Владик с Иринкой интересовались, придешь ли ты туда.

– А мы идем? – просветлел Бронька.

– Конечно. Так что думай о подарке.

По поводу подарка возникли некоторые разногласия. Бронька настаивал на широкополой шляпе, считая, что для Клеопатры Апполинариевны шляпа лишней в принципе быть не может, а родители, бессовестно используя привилегии старшинства, приобрели для нее совершенно бесполезный и скучный кухонный комбайн.

Клеопатра Апполинариевна купила квартиру на деньги, доставшиеся ей в наследство от деда, в новом доме недалеко от тети Аси.

Дверь открыла сама виновница торжества, сияющая и счастливая. Ее длинное черное платье свидетельствовало о том, что в свои семьдесят лет она не совсем потеряла интерес к жизни и готова к свершениям.

Из-за ее плеча выглядывали Иринка с Владиком. Владик еще больше похудел и вытянулся, а Иринка, как с неудовольствием заметил Бронька, полностью потеряла подростковую угловатость и превратилась в миловидную элегантную девушку.

– Ах, Бронечка, – защебетала Клеопатра Апполинариевна, счастливая оттого, что находится среди всех горячо любимых ею людей. – Как ты вытянулся за месяц, Боже мой! Ах, какая прелесть, это просто моя мечта!

Ее последнее замечание уже относилось к кухонному комбайну, который она нежно прижала к груди.

– Пойдемте же, я покажу вам квартиру. Мы ее вместе с Асенькой обставляли. Вот, видите, какой симпатичный диванчик! А это – полочка!

Семейство Куликовых – Валерий Павлович, его жена Аля и Бронислав с Янкой, – видели, что это – действительно диванчик, а там – без всяких сомнений, полочка. Но квартира была обставлена на редкость уютно, и все трое восхищались и диванчиком в желто-синюю клетку, и полочкой с затемненными стеклами над ним, и новым телевизором, и зеркальным шкафом-купе в прихожей.

– Розочки, – восхищенно шептала Янка, тыча пальчиком в цветущие фиалки на подоконнике.

– Ну, как вам квартирка? – гордо спросила появившаяся из кухни тетя Ася. Гордость ее была понятна, поскольку район, квартиру и мебель выбирала в основном она, предоставив самой Клеопатре Апполинариевне лишь восхищаться ее практичностью и вкусом.

– Привет, Асенька, – обняла свою старшую сестру Аля. – До чего ты умеешь создавать интерьер. Поменяла бы профессию, что-ли.

Тетя Ася была переводчицей в литературном агентстве и переводила любовные романы. Это было предметом постоянных подшучиваний со стороны Владика, который всякую любовную дребедень в принципе презирал и не упускал случая об этом громко заявить. Поэтому при упоминании о профессии обе грозно на него взглянули.

— Вообще молчу, — сообщил он на всякий случай из-за Иркиной спины.

В гостиной был накрыт стол, и тети Асина сестра Катюша безуспешно сзывала всех к столу. Но гости были заняты изучением тети Асиной дизайнерской находки — зимнего сада в углу Клеопатриной спальни. Дима Солнцев — он же Катин муж и отец Владика и Иринки, — любовно расставлял напитки. Собрались не все — ждали тети Асина сына Сашу с его женой Натусей, и милейшего Захара Ильича с супругой.

Дети же пока уселись вокруг шахматного столика в гостиной и напряженно внимали Броньке, который, не жалея красок, расписывал свои недавние приключения.

— То есть его похитили, чтобы порыться в квартире, но он вернулся раньше, чем его ожидали, — заключила Ирка. — С банками как-то странно.

— А я слышал, — округлил глаза Владик, — у нас в классе один мальчик был этим летом в Англии у знакомых. И эти самые знакомые владеют магазинчиком всяких шпионских штучек. Так он там как раз видел такие как бы использованные банки из-под кока-колы, а у них крышечка аккуратненько так отвертывается, и на самом деле это — тайник.

— Здорово, — восхитился Броня. — Значит можно эту баночку спрятать в мусоре, и никто не догадается в нее заглянуть.

Раздался звонок в дверь и все дружно двинулись в прихожую встречать Сашу. Но это оказался не Саша, а смущенный Захар Ильич. На одной руке у него висела его супруга, Нина Федоровна, а другой рукой он судорожно сжимал продолговатый сверток.

Клеопатра Апполинариевна кокетливым жестом поправила прическу, а Захар Ильич восхищенно смотрел на ее платье.

— Добрый день, — вымолвил он, с видимым удовольствием отметив отсутствие калош, которые она практически не снимала летом в деревне, и улыбаясь выглядывавшим из-за ее плеча детям и тете Асе. — А где же Александр?

— Вот-вот придет. Проходите, Захар Ильич, Нина Федоровна, как я рада вас видеть, вы не представляете, у меня в городе так мало знакомых. Спасибо Асеньке, не оставляет меня... — без умолку говорила Клеопатра Апполинариевна, пока супруги раздевались в прихожей.

— Все к столу, — решительно провозгласила тетя Ася. — Не будем Саньку ждать, у нас горячее... — ...не успеет остывать, как я съем все твои салаты, — договорил Саша, бесшумно материализовавшийся в прихожей вслед за профессорской четой.

— Ах ты, обжора, — умилилась тетя Ася. — А где же Натуся?

— Раз, два, три, — ап! — торжественно распахнул дверь на лестничную клетку Саша. И все увидели большую картину, изображавшую дом в деревне с огромными мальвами в палисаднике. Позади него поблескивала река, к которой вела живописная дорога.

— Так это же ваш дом, — удивился Броня. — Как две капли воды. Правда, тетя Клео?

Тут картина зашевелилась и из-за нееглянула возмущенная Натуся.

— Санька, я тебе жена или... или кто?! Жду-жду, пока он картину у меня из рук возьмет, а он тут любуется, эстет несчастный!

— Ох! — воскликнула тетя Ася. — Натуся!

— Ну конечно, — Натуся продолжала делать вид, что обиделась. — Я же не картина, меня так сразу и не заметишь.

— Сашенька! — восхищенная Клеопатра Апполинариевна не могла отвести от картины глаз. — Это же мой дом! Я его над диваном повешу.

— Мальвочки! — восхитилась Янка, которая в этот вечер проявляла удивительную любовь к растениям.

Гордый Саша, приняв картину из рук жены, проследовал прямо к салату оливье.

— Ну, давай уже свой подарок, — толкнула Нина Федоровна супруга. — Раз уж сам выбирал.

Захар Ильич встрепенулся и, наконец, вручил Клеопатре Апполинариевне свой подарок. Это оказался подсвечник – точная копия тех станичных подсвечников, которые украшали тети Асин стол во время памятного ужина с привидениями.

Ко всеобщему восторгу он был тут же поставлен на стол, и Саша стал громко требовать горячее.

Дети сели поближе к Захару Ильичу в надежде завести с ним разговор о Косте, жившем в его доме. Профессор же увлекся разговором с Натусей, которая громко повествовала о чудесных речных порогах, преодоленных ею позапрошлым летом.

– Вы не представляете, какая там красота, – захлебывалась от восторга Натуся. – Недаром «порог» по-английски – «белая вода». Вода там так и кипит, так и кипит. Мы там так классно перевернулись на байдарке. Саша, помнишь, как мы тебя из-под лодки вылавливали? Ты еще в рюкзак вцепился, так тебя с ним и достали. Мы обязательно снова сплавимся, да, Сань?

– Ага, – встремляла Янка, – и я!

– Ты, между прочим, будущая мать, – шипел муж. – Позволь тебе напомнить, что через четыре месяца…

– По какой, говорите, реке вы сплавлялись? – задумчиво произнес Захар Ильич.

У Нины Федоровны округлились глаза, а Владик с восторгом толкнул Броню в бок.

– Он, по-моему, тоже сплавляться хочет, – с восторгом шепнул он. – Ну и стариан!

Наконец, объевшийся Захар Ильич выбрался из-за стола и уселся в уголочке возле шахматного столика. Он в душе был очень азартен, и дети, которые летом с удовольствием играли с ним в карты, предложили ему поиграть в шахматы.

– Так-так, а мы вас пешечкой, – потирал руки Захар Ильич.

– А мы вас – лошадью, лошадью – кричал раскрасневшийся Владик.

– Вообще-то я играю, – возмущался Броня. – Нечего подсказывать. Владька, поставь лошадь, то есть коня, на место!

– А мы вам – шах! – обрадовался Захар Ильич.

– Это Бронькиной-то ладьей? – удивилась Ирка.

– А правда, – встремлял Владик, – что в вашем подъезде живет такой один Костя?

– Он еще голеньkim по лесу бегал, – решила пояснить маленькая Янка.

– Костя? – переспросил профессор, рассеяно вертя в руках Брониного коня. – Да, есть такой. Действительно один. Очень приятный молодой человек. Та-ак-так, вы, значит, вывели ферзя.

– А вы его знаете? – продолжал Броня, ставя на место слона, которого Захар Ильич нечаянно смахнул рукавом.

– Знаю-знаю, – рассеяно ответил Захар Ильич, шагая королем через три клетки. – А что?

– Мы с папой его подвозили его недавно, – объяснил Броня, – Его похитили, а он бежал, представляете?

– Похитили-похитили, – горестно бормотал профессор, рассматривая своего загнанного в угол короля.

Тетя Ася решила, что ей пора вмешаться. Профессор по-детски переживал свои поражения, и ему срочно требовалась моральная поддержка. На Нину Федоровну, которая зажала в уголке Диму с Катюшей и перечисляла им список научных трудов своего супруга, было мало надежды.

– Ну что, Захар Ильич, – подошла она к столику. – Накинулись трое на одного?

– Они мне тут каким-то Костей голову морочили, – пожаловался профессор. – Кстати, зачем – голеньkim по лесу? И зачем вы его похитили?

– Да не мы же, – в отчаянии закричал Владик.

– Мы, наоборот, его спасли, – пояснил Бронька.

— Между прочим, он с вами в одном подъезде живет, — внесла ясность. Иринка Детям пришлось рассказывать всю эпопею еще раз. У тети Аси загорелись глаза.

— Кто-то что-то спрятал в банке, — уверенно сказала она. — А теперь ищет. Вот будет номер, если это — какое-нибудь кольцо с бриллиантом, а Костя его выкинул.

— Это, наверное, Света спрятала, — вдруг сказала Нина Федоровна.

Дети, да и все прочие, настолько не ожидали услышать от Нины Федоровны что-то разумное, что все на мгновение замолчали, рассматривая Нину Федоровну с внезапно пробудившимся интересом.

— Так, — уточнил Саша. — Кто у нас Света?

— Бывшая невеста Кости. Он ее выгнал, — взахлеб начала рассказывать Нина Федоровна. Оказывается, все это время в профессорской жене дремала классическая сплетница.

— Представляете, — продолжала она, наслаждаясь всеобщим вниманием. — Когда мы с Зариком, — отыхая от наших научных исследований, — гуляли вдоль аллейки у нашего дома, мы ее несколько раз встречали. Так она — Какие у тебя научные исследования, Ниночка? — изумленно спросил Захар Ильич.

— Я, между прочим, твоих древних скифов тоже изучаю, — оскорблена ответила супруга.

— Как? — поразился профессор.

— В твоих статьях много картинок, — не моргнув глазом, объяснила та. — Так вот, эту, с позволения сказать, невесту, мы несколько раз встречали. Так она даже не знала, что мой Зарик — профессор, представляете?

— Да уж, — засмеялась Ирка. — И о скифах ничего не знала?

— Какие скифы, дорогая, — махнула рукой профессорша. — И Костю она презирала. Не готовила для него, не убирала, не ходила по магазинам, не гладила ему рубашки...

— Ниночка, да у него и рубашек нет — одни футболки да свитера... — поспешил восстановить справедливость профессор.

— Вот я и говорю, не гладила...

Ирка представила, как Нина Федоровна стоит у замочной скважины, собирая сплетни о соседке. Представить это было несложно. Но такая метаморфоза жены профессора показалась Ирке невероятно смешной, и она вышла в кухню похолодать. Там она столкнулась с Натусей, резавшей торт. Несмотря на страсть к походной жизни, она все-таки была очень домовитой хозяйкой, на радость Саше.

— Натуся, — промурлыкала она. — Как я по тебе соскучилась. А вот ты ребеночка родишь, он мне будет кто?

— Мне бы для начала выяснить, ты-то мне кто, — задумчиво почесала Натуся затылок рукояткой ножа. — Да какая разница. Родственник он тебе будет, понятно? — ласково «объяснила» она, целуя девочку в завитки на лбу.

— Кажется мне, — проговорила Ирка, — что Бронька с Владиком сунутся копать Костину историю, как ты думаешь?

— Вообще-то любопытно, что там искали, — кивнула головой Натуся. — Я бы сама хотела узнать, да нельзя, положение обязывает. Санька теперь мне не позволит никуда нос совать.

— Если хочешь, — предложила Ирка, — я для тебя поузнаю. Костя завтра придет к Куликовым машину мыть, могу и я к ним заглянуть. Может, у нас идея какая-нибудь родится.

— Поузнавай, — засмеялась Натуся. — Ты, наверное, не меньше мальчишек любопытством мучаешься. Так что давай, действуй, если мама с папой разрешат.

— Разрешат! Я им столько пятерок из школы натаскала, что свинство было бы не разрешить.

Мама с папой действительно разрешили дочери отправиться в воскресенье к Куликовым. Тем более, что мама и тетя Ася тоже решили встретиться у Али дома.

Сестры обменивались новостями на кухне, стряпая пельмени, Валерий Павлович спасался от дамского трепа в кабинете за компьютером, делая вид, что пишет лекцию – он преподавал психологию в одном из коммерческих вузов. На самом же деле, развернув монитор к себе, он с упоением играл в Звездные войны. Хотя, когда вкусный пельменный запах стал щекотать его ноздри, он начал считать, что обилие женщин в доме – не так уж плохо, и, вообще в восточном институте многоженства явно что-то есть.

Дети же, получив в распоряжение большую куликовскую квартиру почти что целиком, вначале вели светскую беседу, обмениваясь школьными новостями. Ирка снисходительно слушала Бронькин рассказ о том, как он хитроумно удрал из женского туалета, в котором его коварно заперли девочки, пообещав показать мадагаскарского таракана. Таракан оказался ненастоящим, а пластмассовым, и высакивал из спичечного коробка на пружинке прямо на руку. Бронька позорно заорал и, пока он тряс рукой, девочки втолкнули его в кабинку туалета и заперли снаружи.

Бронька не растерялся, и, правильно рассчитав, что его реакцию слушают снаружи, сообщил, что на полу валяется классная губная помада, которой можно прекрасно рисовать на стенах.

– Сейчас бегемота нарисую, помады как раз хватит, – сообщил он в пространство. Дверь кабинки тут же распахнулась, и его выволокли наружу.

– Вот они разозлились, что помады-то не было, – заключил Бронька. – Правда, они со злости снова меня туда пытались втолкнуть, но тут пришла уборщица и всех разогнала. А Костя вон идет, – добавил он, глядя в окно.

– Не в простынке, – удивилась Янка, встав коленками на кресло у окна.

– Не обманул, значит? – обрадовался Валерий Павлович.

– Вы ему, наверное, сказали, что пельмени будут, – заметил трезвомыслящий Владик.

Костя явился во всеоружии – с автошампунем, губками, и мечтой автомобилиста – тележкой на колесиках для лежания под машиной.

– Ну ты даешь! – восхищенно сказал Валерий Павлович, рассматривая тележку. – Где взял?

– Сам сделал, – гордо ответил Костя.

– Это мне? – не веря своему счастью, уточнил Валерий Павлович, и получил горячие уверения в том, что он, как Костин спаситель, пострадавший при перевозке Кости на кабачок, банку с вареньем и испачканные вареньем чехлы, может вечно рассчитывать на него, Костину, безмерную благодарность и скромные конструкторские способности.

Валерий Павлович растаял и на радостях стал шумно приглашать Костю отобедать перед мытьем машины, громко негодуя по поводу медлительности женщин на кухне. На одну только секунду он почувствовал себя владельцем гарема, и тут же горько в этом раскаялся. Тетя Ася немедленно вручила ему мусорное ведро, родная жена послала в магазин за майонезом, а Катюша, поинтересовавшись, есть ли в доме Куликовых мужчина, выразила желание, чтобы кто-нибудь немедленно поточил все кухонные ножи,

Мысленно посочувствовав всем восточным владельцам гаремов – о, многотерпеливый мусульманский народ! – Валерий Павлович помчался в магазин, дав себе зарок впредь как можно меньше напоминать о себе.

Дети же взяли Костю в тесное кольцо и повели в Бронькину комнату. Костя, несколько ошалевший от такого количества бесцеремонных детей, вежливо здоровался, глупо спрашивал, как у них дела в школе, чем совершенно уронил себя в их глазах.

Когда из кухни выскочила перепачканная мукой тетя Ася и категорически потребовала без нее и прочих сестер не начинать, Костя решил покориться судьбе и терпеливо ждал, пока кто-нибудь ему объяснит, чего от него, собственно, хотят. Поначалу он порывался бежать к

машине со своими губками и автошампунем, но все так возмутились, что больше он уже не открывал рот.

– Сейчас придет дядя Валера, и вы все расскажете с самого начала, – строго сказал Владик.

Костя закрыл глаза и стал медленно считать до десяти.

– А вы не простудились тогда голенький? – решила проявить участие Янка.

– Да он так бежал, что ему вовсе не было холодно, – пояснил Бронька, глядя снисходительно на Янку поверх Костиной головы.

До десяти мало, – подумал Костя и решил считать до ста.

– Да уж, голым забегаешь! – согласился Владик Костя тоскливо посмотрел на дверь. Потом потянул носом, услышал бренчание тарелок на кухне, и решил, что жизнь не так плоха. Однако когда раздался звонок в дверь, возвещающий о возвращении Валерия Павловича, он не стал скрывать облегчения. Отец этих двух невыносимых детей спасал его во второй раз.

Из кухни навстречу ему вышли три похожих друг на друга женщины.

– Все к столу, – объявила старшая, принимая из рук Валерия Павловича майонез и пакет с какими-то бутылками.

– Ой, Валерочка, сообразил, молодец, – обрадовалась симпатичная женщина в джинсах и широкой кофейной блузке поверх них.

– А нам Фанту? – тревожно спросила Янка.

– Купил, купил, – успокоил ее отец. – Им лимонад если не купишь, то и нам выпить не получится, – пояснил он Косте. – Такой митинг о правах детей устроят, только держись.

Пытаясь разобраться, кем приходится Валерий Павлович этим трем женщинам, Костя не заметил, как оказался в ванной. Он послушно вымыл руки, вытер их розовым полотенцем, которое ему подала самая грозная из женщин, велевшая без них не начинать, был отведен на кухню и усажен между Валерием Павловичем и третьей женщиной, в светлых брючках и мягким свитерке.

В огромной, но очень уютной кухне стол был выдвинут на середину.

На столе стоял салат из помидоров, какие то консервы и колбасы, а в блестящей цептеровской кастрюле на плите аппетитно булькали пельмени, распространяя неземной аромат. Костя воспрял духом и потянулся за салатом.

– Валер, это и есть твой голый мужик? – энергично спросила та, что в джинсах.

Костя уронил ложку обратно в салат.

– По-моему, он вполне одетый, – захохотала старшая.

Янка и Бронька тоже гнусно захихикали.

– Ну Аля! Дети! – укоризненно сказал Валерий Павлович.

– Могу и опять раздеться, если вам это так уж смешно, – оскорбился Костя и стал потихоньку выбираться из-за стола, размышляя, стоит ли ему окончательно обижаться и лишаться пельменей.

– Тетя Ася, он же к нам еще не привык, – укоризненно сказала симпатичная девочка-подросток, пододвигая к Косте блюдо с салатом. Костя молча уселся обратно, не зная, как вести себя в этой сумасшедшей семье.

– Ладно, выну-ка я пельмени, – добродушно сказала тетя Ася. – А вы пока, Костя, разомнитесь салатиком.

«Размявшиесь» салатиком, Костя набросился на пельмени, с удивлением обнаружив, что привычные ему магазинные пельмени и то, что лежало сейчас перед ним в тарелке – абсолютно разные блюда. Он даже закрыл глаза от удовольствия, прислушиваясь, как невероятно ароматный сок выливается ему на язык.

– Ага, – прокомментировала Аля, глядя на него. – Девчонки, пельмени, кажется, удались. Костя открыл глаза и увидел, что все три женщины с напряжением смотрят на него.

— Сказка, — решительно объявил он. — Таких я даже у бабушки не ел!

— Ура! — закричали все трое.

Вся компания оживилась, и Валерий Павлович откупорил бутылки.

— За бабушку, — провозгласил он.

Костя с удивлением обнаружил, что обида ушла и ему вполне уютно среди этих шумных и бесцеремонных людей.

— Ну, давайте, — скомандовал Броня, разливая себе и другим детям Фанту, — дерните с отцом водочки и рассказывайте все по порядку.

«Дернули» водочки, и Костя откинулся на стуле.

— Давайте лучше, — предложил он, — вы спрашивайте, а я буду отвечать. Потому что Валерий Павлович же все видел.

— И мы, и мы, — напомнила Янка.

— Костя, — мягко начала та, что в светлых брючках. — Вы имеете представление о том, что у вас в квартире искали?

— Да, искали-то что? — Владик даже приподнялся на стуле и стал напряженно вглядываться в Костино лицо в ожидании ответа.

— Понятия не имею! — горячо заговорил Костя. — Сам все время об этом думаю. Понимаете, всю квартиру обыскал, — ничего не пропало, хоть убей!

Похоже, он очень расстраивался из-за того, что ничего не пропало.

— Даже мелочи всякие, — бумажки, квитанции, деньги — все на месте. Я думаю, может, это Светкино что-нибудь искали? Но тогда странно, что она сама не позвонила. Я бы ей сразу отдал. Очень мне надо ее барахло в своем доме держать!

Валерий Павлович, которого до этого ничего, кроме мытья машины, в этой истории не интересовало, потихоньку заражался всеобщим азартом.

— Так, — сказал он. — О Свете — поподробнее, пожалуйста. Насколько я мог судить, человек, который выскоцил из твоей квартиры, был вовсе не Света.

— Не Света! — вздохнул Костя. — А Света могла у тебя что-то спрятать?

— Могла. Она все могла.

— И нет! — вдруг заявила Янка, попивая Фанту. — Не все!

И, довольно оглядывая уставившихся на нее взрослых, заявила:

— Она рубашки гладить не могла. Потому что их у вас нет.

— Ну да, — растерянно сказал Костя. — А остальное — все могла. И замки в моих дверях сменить, меня не предупредив, и утащить куда-то мой винчестер от компьютера, и лезть в дверь, когда ее гонят в окно, то есть тыфу, наоборот, — разгорячился Костя. — Я знаете, как от нее избавился?

Тетя Ася внимательно слушала, облокотившись об стол.

— Это было трудно?

— Еще как! Пришлось бабушку из деревни привезти.

— Это помогло? — удивленно подняла брови Катюша.

— Еще бы! У нее знаете, какой характер — любой по струнке ходить будет. Даже если не по струнке, все равно никакие нервы не выдержат с ней постоянно в одной квартире находиться. Она Светкины вещи упаковала и на лестницу выставила. Светка поскандалила-поскандалила, да и ушла в конце концов. А сколько времени прошло, пока я бабушку обратно в деревню уговорил уехать... легче джинна обратно в бутылку запихать.

Броньку все это мало интересовало, да и Владика тоже. Они переглянулись, и недипломатичный Владик махнул рукой:

— Ладно, это вы потом как-нибудь расскажете. А вот кем она работала, куда потом ушла, какие у нее знакомые?

Валерий Павлович от удивления положил вилку с пельменем обратно в тарелку.

– Ну ты, племянничек, и махнул! Спектр вопросов у тебя, того… не в бровь, а в глаз.

– Э-э-э… работала воспитательницей в детском саду, но прирабатывала по вечерам набором и распечаткой на компьютере – моем компьютере, заметьте. Ушла к какому-то мужику, у него вдруг квартира большая в центре города нарисовалась. То ли по наследству, то ли он смухлевал что-то. Какие-то дети там были замешаны. Вот он и был ее знакомый, – четко, по пунктам доложил Костя.

– Профессия у нее самая садистская, – заметила Ирка.

– Конечно, садистская, раз в садике работает, – согласилась Янка.

Костя уже совсем не казалось странным, что инициативу в разговоре перехватили дети, причем никто из взрослых не призывает их к порядку. Даже Янка, эта мелочь пузатая, и та без конца встrevает в разговор, и, похоже, тут всем это кажется нормальным.

– Мамуля, еще пельменьчиков, – протянула Янка тарелку той, что в светлых брюках.

– И мне, Катюш, – попросил Валерий Павлович.

Костя стал потихоньку разбирать, кто есть кто. Тут раздался звонок в дверь, и в квартиру ввалилась невероятно шумная компания. Сидя на кухне и слушая, как им бурно радуется и приглашает на кухню тетя Ася, он решил, что пришло как минимум человек семь. Однако в кухню вошли всего двое – круглолицый довольно пузатый молодой человек, не очень красивый, но с очень обаятельными живыми глазами, и спортивного вида молодая женщина.

Молодой человек принюхивался, смешно шевеля носом и потирая руки.

– Мам, ты их сама делала? – оживленно спросил он у тети Ася.

– Санька, негодяй, – возмутилась Катюша. – Ты нам совсем не доверяешь!

– Доверяет-доверяет, – успокоила Натуся. – Хлеб там порезать, колбаску…

– Нет, девушки, – объяснил Саша. – Вы мне спокойно можете печь пироги, готовить что угодно, но пельмени – это мама, она слово знает.

Пока «девушки» возмущались, Сашин взгляд упал на Костя.

– Ты, наверное, Константин? – дружелюбно спросил он.

– А… что, уже все всё про меня знают? – спросил Костя, замирая от предчувствия, что опять начнутся комментарии о его скитаниях голым по ночному лесу. «Я был не голый, а в простынке», – чуть было не повторил он Янкины слова, но в них, слава Богу, не было необходимости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.